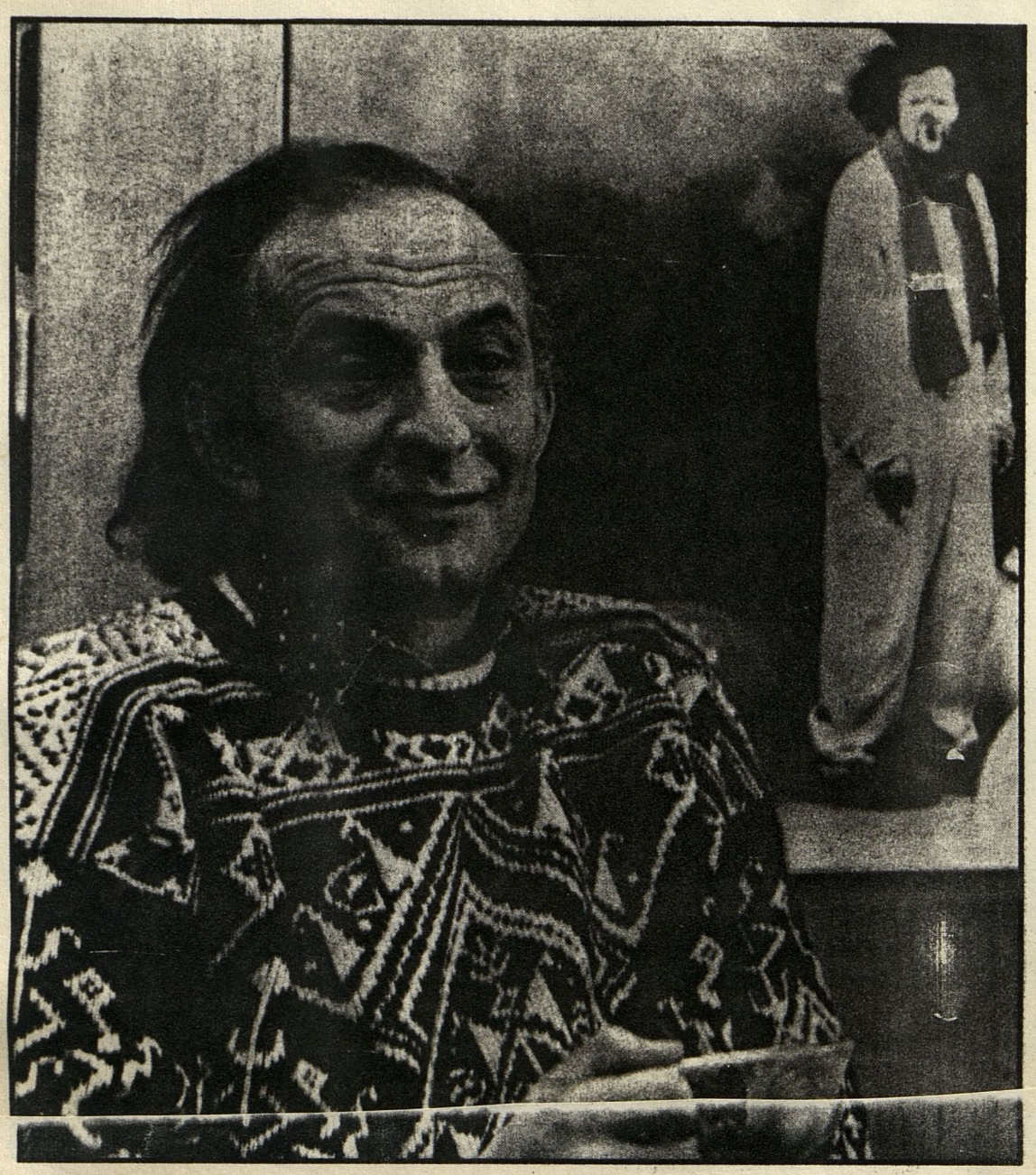
умение выжить,
то стоит ли вообще жить?



Одиночеству — Слава

Вы не видели его последний спектакль? Ах, конечно же не видели! Ведь они сыграли его всего-то пару раз в Питере да пару раз в Москве. Причем афиша была, кажется, одна на весь город — у входа в Театр эстрады, а зал — битком. Но они сразу увезли спектакль в Лондон, а потом — не то в Париж, не то в Лион... Когда-то мы теперь увидим Славу Полунина?..

А что поделаешь? Это раньше наша родина-мать ревниво держала всех талантливых сыновей при себе. Дали комнату, где едва умещается сотня зрителей, где нет ни сцены, ни оборудования — твори, милый! Зато секретарь обкома по идеологии всегда мог привести туда пару-тройку друзей, как барин в оранжерею: «Вот-с у меня удивительный экземпляр произрастает...» «Лицедеи» сделали в такой комнате тридцать спектаклей. Тридцать! Кто их видел?! Знаем ли мы что-нибудь о Полунине, кроме «Але, Асисяй» (хотя и в эту миниатюру он сумел вложить чуть ли не целую человеческую судьбу)?

Так что нечего теперь сетовать на труднодоступность наших истинных талантов — они делятся тем, что у них есть, со всем миром. И нам достается столько, сколько мы заслуживаем.

Кстати, года четыре назад, когда Слава только начал выступать за границей, он здорово возмутился, увидев, как его представили на афишах: «Полунин — клоун Горбачева». Впрочем, шоу-бизнес имеет свои законы, свои приемы привлечения публики...

— А я никогда не имел отношения к шоу-бизнесу,— заявляет на это Слава.— Хотя бы потому, что не старался завлечь зрителей, опускаясь до массовых вкусов. И я доволен, что теперь, когда нас узнали получше, на наших афишах пишут примерно так: «Это совсем не похоже на русский цирк».

— Разве русский цирк — это так стыдно?

— Да не в этом же дело! Наше официальное «выездное» искусство столько лет грубо эксплуатировало этот лубочный русский образ: сапоги, косоворотка, румянец, что он уже стал таким же символом кича, как, к примеру, маскарадный американский ковбой со шпорами и в здоровенной шляпе. Настоящее искусство не нуждается в подпорках, сделанных из национальных стереотипов.

...Человек уезжает. Наверное, далеко и надолго. Он стоит с огромным чемоданом посреди пустой комнаты, где осталось только старое пальто на вешалке. Человеку не с кем прощаться, и он прощается с этим пальто. И пальто оживает, в тоске приникает к нему, как старый друг, обнимает, не пускает... Так просто и так поразительно — рука, продетая в один рукав. Так точно и так понятно: прощание, помноженное на одиночество.

Это — миниатюра из нового спектакля, того самого, что вы не видели. Слава играет его вдвоем с глухонемым клоуном Сережей Шашелевым. Само по себе удивительно: два актера на практически голой сцене, без слов, без сюжета держат абсолютное внимание зала в течение двух часов. И, наверное, могли бы продержать еще сколько угодно, просто у них есть предел человеческих сил.

— Слава, вы расстались с «Лицедеями». Почему? Прошло ли это расставание болезненно?

— «Лицедеи» не были только театром. Это что-то вроде монашеского ордена, коммуны, духовного братства. Но ведь каждый в нем развивался не только вместе со всеми, но и сам по себе. Появилась потребность в самореализации, в собственных творческих проектах. И прекрасно. «Лицедеи» сделали все, что могли. В последние годы мы исколесили весь мир, включая Америку и Японию. Во Франции стали бродячей труппой и объездили в фургончиках 120 городов.

Культурное ведомство Европарламента выделило нам большущий дом под Страсбургом, где мы могли бы жить своей коммуной. Но это было бы в лучшем случае повторением сделанного.

— Сейчас у нас появилось великое множество разнообразных коллективов, которые вроде бы пошли по стопам «Лицедеев». Но любому из них, мне кажется, чего-то не хватает. Чего?

— Не стоит судить только по внешним признакам. «Лицедеи» — это не направление и не стиль. Просто был такой театр. Все зависит от того, зачем конкретный артист мажет лицо гримом и прилаживает клоунский нос. Он хочет только рассмешить? Прекрасно. У кого-то он может вызвать хохот одним своим видом. И замечательно — пусть люди посмеются. Но лично мне это никогда не было интересно. Потому что жизнь состоит не только из забавного, но также из печального и даже трагического. Чем причудливее это перемешано — тем притягательнее человеческая судьба или театральное действо.

— В вашем последнем спектакле, пожалуй, больше печального, чем смешного. Жизнь такая?

— Может быть, не столько жизнь, сколько сам я сегодня такой.

— Тогда почему мы видим на сцене все того же Асисяя в желтом балахоне?

— А куда же его девать? Ведь это именно с ним все происходит.

Кстати, в спектакле на эту тему есть замечательная миниатюра. Значит, так. На сцене — кривой стул, рядом — кривой стол и бутылка на нем — кривая. Все как бы дружно покосилось на один бок. Приходит Асисяй, пытается усесться на кривом стуле. Но, конечно, падает. Еще раз пытается — и опять падает. Ему бы присесть, да вот беда — нормальных стульев нет. А он-то сам нормальный, прямой, ну и ему неудобно — падает все время. Такие дела.

— Слава, возможно ли сегодня здесь, в России, выжить такому театру, как ваш?

— В материальном плане — ни Боже мой. Каждый спектакль, который мы здесь даем, нам только в убыток. Что-то вроде благотворительной акции.

— Тогда почему вы совсем не уедете?

— А не получится ничего. Я не смогу ничего сделать вне этой культурной среды, без друзей, без Царского Села (удивительное место. Мы туда приезжаем и прямо на лужайке, в парке, придумываем и репетируем наши спектакли)... Такая получается дурацкая вещь: создавать лучше здесь, а показывать — там.

— Во многих ваших миниатюрах сквозило одиночество. А теперь оно стало прямо-таки главной темой. Почему ваш герой так одинок?

— Человек вообще состоит главным образом из одиночества. И оно бывает разным. Одиночество это — сладкие мечты и это — крайнее отчаяние. Одиночество — основа творчества и — источник черных мыслей. В нем есть все. Когда человек остается наедине с самим собой, он раскрывается, становится наиболее интересным.

Да-да, вот это важно. Герой Полунина не стесняется своего одиночества. А нас всегда учили скрывать его, как нечто постыдное, ибо считалось, что одиночество — удел неполноценных, неспособных к дружному коллективному труду на общее благо. А на самом деле одиночество — всего лишь обратная сторона свободы. Хотя бы потому, что самые важные решения человек должен принимать сам и на самые главные вопросы отвечать самому себе. В принципе люди, пытаясь выйти из первобытного стадного состояния, все еще решают главную задачу: учатся осмысленному и плодотворному одиночеству. Но тут наметилось два основных варианта. Первый — это западный (условно говоря) герой-одиночка. Он вам, конечно, знаком: ходячий набор навыков выживания. Джон Рэмбо. Последний бойскаут. Крепкий орешек. Одинокий волк. А на другом полюсе — наш герой. Грустный, взъерошенный человечек в желтом балахоне. Он тоже один. Он обдумывает важный й очень печальный вопрос: если главное в этом мире — умение выжить, то стоит ли в нем вообще жить? Он уже хочет сделать следующий шаг от волка к человеку: чтобы одиночество перестало быть только выживанием.

И что бы ни говорил Слава про то, что искусству не нужны подпорки национальных стереотипов, его герой, безусловно, обладает русской душой в ее лучшем и самом трогательном проявлении. Грустный клоун Асисяй. Анти-Рэмбо. Герой, органически не способный к насилию, хотя это тоже упорно считается постыдной слабостью.

...И вот от всех этих печальных вещей захотел Асисяй повеситься. Взял веревку, сделал петлю, надел на шею. Смотрит, куда другой конец забросить, примеривается. Стоит и веревку на руку колечками мотает. А веревка длинная. Он мотает, мотает. Уже зрители смеются, а он все мотает. И вот появляется другой конец веревки. А вместе с ним — другой грустный клоун, который тоже, видать, хотел повеситься, только на другом конце. Так они и познакомились.

Потому что одиночество, к счастью, тоже не бывает бесконечным.

Руслан КОЗЛОВ.
Фото Валерия КУЗНЕЦОВА.

РЕКЛАМА

ВКС
РАБОТА и УЧЕБА ЗА РУБЕЖОМ!
Требуются: водители, механики, строители, продавцы, медики, программисты, секретари, работники гостиниц и ресторанов.
Заказывайте БЕСПЛАТНУЮ информацию:
115409, Москва, Каширское шоссе 54/1.
(095) 326-1116, 326-1995, 326-3879, 328-1378, 329-5384, 329-5457
Учеба в лучших школах и университетах
Курсы иностранных языков
Бизнес-программы
в 39 странах!
(095) 328-1336
fax 327-11-14
1000 РЕАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ!

Комплект выкроек детской одежды, которая необходима Вашему ребенку (3 месяца — 7 лет)
Оплата 3.500 р. наложен. платежом
400119, Волгоград, а/я 2658,
Курсы кройки и шитья